

М. П. Арцыбашев в диалоге с традиционными ценностями (рассказ «Жена»)¹

M. P. Artsybashev in Dialog with Traditional Values (Short Story «Жена»)

Йозеф Догнал

Абстракт:

Статья исследует изображение любовного отношения между рассказчиком – главным героем рассказа «Жена» – и его супругой. Рассказ, состоящий из трех сюжетом связанных этапов, повествующих об эволюции любовного отношения обоих протагонистов, ставит под сомнение возможность сохранения любви между мужчиной, мечтавшим о полной свободе и независимости, с одной стороны, и женщиной, ставшей его женой и матерью его ребенка, с другой. Герой отказывается от полного подчинения своей жизни ребенку, которое он сравнивает с рабством, и уходит от жены и ребенка. М. П. Арцыбашев в рассказе ставит вопрос о совместимости жажды независимой, свободной жизни и будничных житейских ситуаций в «нормальной жизни». Ставя такой вопрос при помощи абсолютных, противоположных друг другу требований, автор рассказа вступает в диалог не только с моралью данного времени, и с общепринятым представлением

¹ Tato studie vznikla na Masarykově univerzitě v rámci projektu Slavistická badatelská dílna číslo MUNI/A/0900/2019 podpořenéno z prostředků účelové podpory na specifický vysokoškolský výzkum, kterou poskytlo MŠMT v roce 2020.

о супружестве как продолжении любовного отношения, но и с общими принципами продолжения человеческого рода.

Abstract:

The text deals with the depiction of the love between the main hero of the short story «Жена» and his wife. The story, telling about three periods of the development of their relationship, casts doubt on the possibility to maintain love between man, who dreams about freedom and independence, and a woman, who becomes his wife and gives birth to his child. The main hero does not want to subordinate his life to a child, which means for him slavery, and leaves his wife and child. Showing the totally contradictory attitudes of both heroes, M. P. Artsybashev comes in this way in a dialog with the morality of his time, with the common concept of married life and with commonly shared ideas about the continuation of the human race.

Ключевые слова:

русская литература начала XX века, М. П. Арцыбашев, рассказ «Жена», любовное отношение мужчины и женщины, любовь как рабство, мораль, нормы общественной жизни, литературная провокация, ценности

Key Words:

Russian literature of the beginning of the 20th century, M. P. Artsybashev, short story «Жена» (The Wife), relationship of man and woman, love as slavery, morality, rules of the social life, provocation in literature, values

Русская классическая литература очень часто повествует в качестве главной темы литературного произведения об отношении между мужчиной и женщиной как об отношении одновременно гармоничном и неуравновешенном, взаимно сочувственном и полном вражды, внутренне гармоничном и противоположном, сочетающем и понимание, и непонимание – можно вспомнить поэму «Цыганы» или «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Маскарад» и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, героев романов И. С. Тургенева или

Л. Н. Толстого. Во всех этих произведениях тематизируется влияние общественных норм, морали, предрассудков, традиций на общее поведение героев, на их взаимоотношения, включая любовь в ее чаще всего идеальной форме, в которую телесное или не входит совсем, или только подспудно, незаметно, как что-то, о чем лучше не упоминать. Если учесть факт, что литературные произведения представляют собой в определенной мере «зеркало» и общественных процессов, и сдвигов в личной жизни, что они реагируют на изменения атмосферы и ценностных предпочтений не только в социальной сфере, но и в индивидуальном внутреннем мировосприятии, то стоит уделять внимание как раз таким произведениям, которые любым способом нарушают более-менее согласованную «линию» отображения социальной среды и индивидуальных судеб, т.е. составляют линию, которую можно считать линией то протеста, то несогласия, то сомнения, то просто показа другой возможности восприятия или толкования явлений, которые становятся изображаемым объектом. Стоит напомнить о том, что литературное произведение в таком случае характерно именно тем, что, хотя оно повествует о частной судьбе индивидов-персонажей литературного произведения, оно решает вопросы другого порядка, выходя за рамки изображаемого и прикасаясь к проблемам внешним по отношению к «миру» литературного произведения, т.е. референтная ось литературного произведения намного шире, чем только то, что в произведении изображается. Искусство, в том числе и литература, могут в таком смысле предстать и в качестве феномена, отзывающегося на все сигналы неоднородности, отличий, сомнений – будь это в общественной или личной сфере жизни.

В конце 19-го – начале 20-го века многое довольно резко меняется как раз во всех сферах жизни европейской культуры, в рамках которой намечается повышенный интерес к индивиду, его месту в рамках социума, но не только. Подобно другим европейским литературам и в русской литературе намечается тенденция отойти от внешних по отношению к индивиду факторов и погрузиться как раз в глубинные слои индивидуального мировосприятия и в мотивационные структуры поведения, так что совсем в другом свете толкуются и темы,

затрагиваемые до того с определенным чувством напряжения и опасений, так как они связаны именно с тем, о чем раньше не так часто, а, может быть, и совсем в «приличных» литературных произведениях не писали. Это касается и деликатной темы отношений между обоими полами, которую как раз «приличная» литература во многих отношениях не затрагивала.

Одним из ярких примеров тематизации именно таких, до того времени с точки зрения морали опасных, щекотливых областей межличных отношений можно считать творчество М. П. Арцыбашева, одного из талантливых писателей этого времени, чьи произведения являлись часто в определенной мере и шоком, и вызовом не только читающей публике, но и обществу, точнее, нормам поведения, считаемым до того времени незыблемыми. Исследующая творчество Арцыбашева Л. Р. Бердышева охарактеризовала героев писателя обобщающим образом так: «Герой Арцыбашева – прежде всего свободный человек. Свободный от понятий религии, законов общества и норм его морали, силы денег, от веками сложившихся отношений, связывающих людей. Его герои погружены в ситуацию противостояния (как внутреннего, так и внешнего), борьбы, постоянного напряжения, всегда оказываются между противоположными полюсами. Пространство этого противостояния – это пространство самой личности, рвущейся за пределы собственного же космоса. В произведениях Арцыбашева оно всегда трагично и ощущается как свойство общечеловеческого характера» (2002).

Хотя не со всеми утверждениями Бердышевой можно безоговорочно согласиться, то доказательством такого рода изображения глубинных слоев мотивации поведения индивида и, одновременно, диалогом с традиционными представлениями о нем стал и его рассказ «Жена», впервые опубликованный в 1905 году. Именно ему посвящен последующий анализ, в котором мы хотим показать, что порыв «за пределы собственного же космоса» в определенной мере не срабатывает так универсально, как она его себе представляет.

Рассказчиком в данном тексте является художник, повествующий о своих внутренних переживаниях, связанных с любовью к молодой

женщине, которая стала его женой. Нарратив по своей композиции приносит как будто личное, интимное свидетельство об уже совершившемся, законченном процессе, который обрамлен жадной свободой, силы и жизнерадостности. Весь текст, оформленный как, по сути, последовательное повествование от первого лица об истории его любви, состоит из трех основных структурно-содержательных частей: в первой рассказчик повествует о времени до свадьбы, потом, во второй части, идет речь о том, какими перипетиями проходит его восприятие брачной жизни до момента ухода от жены, и, наконец, в третьей части, рассказчик знакомит с тем, как он живет после ухода от жены и ребенка, и как проходит его встреча с ней через некоторое время.

В первой части повествование рассказчика связано как раз с любимой женщиной. С ней они встречаются по вечерам недалеко от дачи, в которой она живет с братом; тот, однако, рассказчика не любит, так что им приходится встречаться на природе. Описание сцены их встреч напоминает отчасти традиционный колорит рандеву – роща, березки, роса, травинки, сумрак, тень, тишина, уединение. Но в эти традиционные реквизиты вносит рассказчик элементы эротики, когда «(...) сильно и смущенно прижимаясь всем телом друг к другу (...)» для него «(...) все исчезало из глаз и сознания, кроме жгучего и тревожного наслаждения. Сквозь тонкую, сухую материю я чувствовал, как чуть-чуть дрожало и томилось, наслаждаясь, молодое, сильное, упругое и нежное тело, как подавалась и ускользала из моих влажных пальцев круглая и мягкая грудь» (Arcybašev 1994, 528). Описание рандеву продолжается, причем рассказчик с чувством меры не приводит детали наиболее деликатных моментов, сосредоточивая внимание на последующих моментах, изображающих воспринимаемую им красоту такой жизни: «Время шло где-то вне, и все было наполнено одним жгучим, неизъяснимо прекрасным, могучим и смелым наслаждением жизнью» (Arcybašev 1994, 528). Повествование тут приобретает характер повторяемого, циклического действия, имеющего постоянную структуру: ожидание встречи – встреча – взаимная интимная, телесная близость и обоюдное сексуальное

наслаждение – приятное время взаимной близости и благодарности за телесное наслаждение – разлука – время, проводимое самостоятельно каждым из любовников. Конец одного цикла представляет начало следующего цикла. Первая часть повествования – это время взаимной любви, гармонии, интимного сближения и радости совместным переживаниям духовного и телесного характера. Уже в конце первой части, однако, можно найти сигналы, вносимые рассказчиком в качестве внутреннего ощущения двоемирия его существования: его занятия искусством, его повседневная жизнь противопоставлена как раз недолгим свиданиям с любимой: «А она была такая красивая, тревожная и таинственная, и мне нужна была такую красивую и таинственной, не похожей на все другое: она должна была дать мне то, чего я не мог найти во всей остальной жизни.

И в моей жизни, как день и ночь, стало два мира, и хотя оба они давали полную жизнь, но не сливались вместе» (Arcybašev 1994, 530).

Идеальное совмещение обоих миров, в которых помещено «я» героя, однако, длится только до времени, когда они – более по воле их окружения чем по своей собственной воле – поженились и начали жить совместно. Само изображение свадьбы связано с целым рядом деталей, которые превращают это событие в неоднозначное, антиципирующее внутренние противоречия в душе рассказчика. Он же упоминает о том, что «(...) накануне свадьбы мне было тяжело, страшно, душно» (Arcybašev 1994, 530), потом, в церкви «(...) было странно и неловко сознавать, что все это совершенно серьезно, важно и действительно навсегда должно изменить мою жизнь, таинственно, как смерть и жизнь» (Arcybašev 1994, 530), причем его любимая «(...) казалась мне такую красивую, таинственно и приятно близкую, но где-то внутри меня было что-то странное, недоумевающее и враждебное» (Arcybašev 1994, 530). Оппозиты, которые появляются в повествовании, выливаются в окончательное уже сознательное ощущение того, что ничего «священного» не случилось, что его личное сознание расходится с тем, что «должно быть» по разделяемому обществом представлению чего-то великого, знаменательного: он сознает это, когда пытается осмыслить и словом

обозначить новое в отношении к любимой: «(...) она моя жена... жена... жена».

Я старался произносить это слово на все лады, отыскивая тот тон, в котором оно прозвучит как великий и таинственный символ. Но слово звучало, как и всякое слово, пусто и легко» (Аrcyбашев 1994, 531).

Одним из очень сложных вопросов, который герой рассказа решает в первую ночь супружеской жизни после вечеринки, когда он лег спать отдельно от жены с двумя студентами-участниками вечеринки, стал вопрос об их интимных сношениях. «В темноте мне опять пришло в голову: почему жене не было стыдно того, что происходило между нами в роще? Почему же это было тайной?.. Или вообще это вовсе не стыдно, а хорошо, или она – бесстыдная, наглая и развратная? Если это хорошо, то зачем все прячутся с этим и зачем мы повенчались; а если дурно, значит, она – развратная, падшая, и зачем тогда я женился на ней? Почему я думаю, что она не будет теперь, тайно от меня, как прежде от всех, отдаваться другим, как отдавалась мне?..» (Аrcyбашев 1994, 532). Как видно, его личный опыт, личное восприятие натывается на «общее мнение», на определенные нормы поведения, нормы осознания не только в вопросе супружества, но и интимной, сексуальной сферы. Изменение состояния, связанное с официальным признанием нового статуса отношений его и его жены, наводит его на осознание – как ему кажется – алогичных мемов, бытующих в социальной сфере.

То, что в самом начале супружеской жизни было подспудным ощущением, постепенно усиливается и становится все интенсивнее ощущаемым и осознаваемым – причем отрицательная оценка происходящего со временем берет верх. «Наслаждение жизнью», преобладавшее после каждого randevу, в рамках супружеской жизни быстро исчезает. «Тысячи мелочей, сухих и суровых, поднялись откуда-то бестолковой массой и сделали все некрасивым, простым и ничтожным. (...) И жена как-то сразу опустилась, отяжелела и обуднилась. Через три дня она уже была для меня такою же понятной и обыкновенной, как всякая женщина в домах и на улицах, и даже больше» (Аrcyбашев 1994, 534).

Рассказчик все острее осознает, что вместо свободы, вольности и радостного чувства наступает обязательство, подчинение его поведения жене, потому что он чувствует, что так «должно быть», т.е. его свободное желание и представление сталкивается с нормами, принятыми стереотипами, которые определены не по его воле, но представляют собой моральные рамки, влияющие на его мышление и поведение. Вместо того, чтобы действовать по-своему, он действует так, чтобы были учтены и требования, склонности, натура его жены. Он остается дома, когда хотелось бы поехать с коллегами писать картины на природе, не заводит речь о том, что его жена не понимает, ему кажется, что теряет возможность самостоятельно определять ход своей жизни: «Мне пришлось делать то, к чему я не привык: массу мелких и серьезных дел, не так, как это нравилось и казалось нужным именно мне и для меня, а так, как нужно было для нас обоих, для двух совершенно разных людей. Это было возможно только при отказе от многого именно своего, и с каждым днем росло число этих отказов и уменьшалось то, что я хотел сделать и испытать в своей жизни» (Arcybašev 1994, 534). Изменение полностью зафиксировано в отрывке, который точно определяет произошедшее: «Дни шли. Я любил жену, и она любила меня, но уже новой, спокойной, неинтересной любовью собственника, в которой было больше потребности и привязанности, чем страсти и силы» (Arcybašev 1994, 535). Убеждение о трудно представляемой совместимости свободной жизни до свадьбы и подчинения своих поступков и своих представлений супруге кульминирует во время беременности его жены, когда речь доходит до вопроса о заботе об ожидаемом ребенке и когда его жена произнесла решающую заповедь, касающуюся ожидаемого ребенка: «Отец и мать рабы своего ребенка!» (Arcybašev 1994, 536). Внутренняя реакция героя показывает основное противоречие, выходящее опять за рамки узко понимаемых супружеских отношений: «(...) я чувствовал, что это так и есть и иначе и быть не может: я буду рабом и не могу не быть им, потому что я незлой и совестливый человек и потому что инстинкт окажется сильнее меня и вложит в меня эту тупую, бессмысленную, узкоживотную любовь к своему

детенышу. И в ту же минуту я ощутил прилив бессильного отчаяния и горькое, злое чувство. Я увидел, что это сильнее меня, и возненавидел будущее той неумолимой и безнадежной ненавистью, какую случайный раб ненавидит своего господина. А жена видела в этом рабстве истинное счастье, как прирожденная верная раба, даже и не понимающая свободы» (Arcybašev 1994, 536). Данный отрывок текста тематизирует не только срыв во взглядах и в отношении рассказчика и его жены, но это и признание того, что в его душе сталкиваются представления о полной личной свободе ценимые рассказчиком выше, чем противопоставляемые им два основных фактора индивидуального убеждения будущей матери, признающей и общественное мнение, и естественное, инстинктивное подчинение заботе о будущем, невидимом пока, но уже существующем и абсолютно беззащитном существе. Это резкий конфликт ценностей, в котором представление о личной свободе, о вольной жизни, о никому и ничему не подчиненном индивиде как стержне его личного внутреннего мира противостоит и культурному (моральному) императиву подчинения родителей ребенку, но прежде всего материнскому инстинкту, внушающему идею абсолютной ценности новой жизни вплоть до естественного архетипического, циклического по своей сути, представления о смерти старого во имя новорожденной жизни. Последующие эпизоды рассказа во второй части только усиливают основное противоречие – возврат в рощу, в которой когда-то встречались, приносит разочарование, тенденция угодить жене разъединяет героя с товарищами, диалоги с женой подчеркивают разницу их жизненных позиций и разъединяют все больше и их. Все это подсказывает приближение кульминационного пункта. Герой до него доходит в диалоге с женой, в котором формулирует то, с чем он не может примириться: «(...) всю жизнь свою в жертву приносить, перенести все свое «я» в другого человека, в жену ли, в ребенка... Да с какой стати?.. За что?.. Если ты раба по природе, так тем хуже для тебя... А я не хочу!..» (Arcybašev 1994, 541). Рефлектируя их диалог, он начинает понимать и суть коренного противоречия их позиций на более глубинном уровне: «(...) мне в первый раз пришло в голову, что и все люди, не

одна жена, по какому-то праву хотят подчинить мои мысли своим, заставить меня верить и чувствовать так, как верят и чувствуют они. И такая злость охватила меня при этом, что мне захотелось крикнуть, ударить жену, бросить в нее чем-нибудь тяжелым и уйти куда-то на край света, от всех людей, от всего того, что они выдумали, дурно устроили, признали хорошим и заставляют меня признать» (Arcybašev 1994, 541). Развитие сюжета подчиняется основному конфликту и должно привести к развязке – рассказчику приходится или подчиниться, или отстоять свое право на абсолютно свободную личную жизнь. Тут права Бердышева – герой Арцыбашева решает противоречия, он рвется за свое «я». Он его и отстаивает – через месяц ему пришлось на несколько дней уехать из дому. Он и уехал. Участвуя в кутеже, он услышал от пьяного хозяина квартиры, где кутеж проходил, слова, которые отозвались в его сознании: «– А знаешь, мы вот все думаем, что хорошо – христианство, культура, гуманность там... все... а ведь это – смерть! Именно тогда и была жизнь, когда человек бродил в лесу, в поле, по колена в траве, боялся, боролся, убивал, брал, сам погибал... было движение, сила, жизнь, а теперь... Скучно, брат, сухо... вяло... смерть идет» (Arcybašev 1994, 543). К жене он не вернулся.

Третья часть рассказа – развернутый эпилог, кажется, даже слишком развернутый. Читатель узнает, что герой с той поры встретил свою жену только два раза. В первый раз их встреча состоялась после родов, когда она приехала к нему убедиться, закончены ли их отношения или нет. Не получив никакого ответа, понимая, что все кончено, она уходит. Рассказчик считает справедливым посылать ей деньги, обеспечивая таким образом ее и ребенка. Через три года рассказчик проезжает через город, в котором живет его жена с ребенком. Он встречается с ней, видит своего ребенка, понимает, что жена устроила свою жизнь с другим партнером. Оказывается, что ничего его не влечет ни к жене, ни к ребенку. Жена его в начале разговора ненавидит, но потом, когда он ей объяснил, что чувствовал невозможность жить так, как полагалось, и почему такое случилось, ей стало понятнее: «Теперь у нас впереди как раз столько жизни,

сколько молодости и силы. Мы не убиваем и не укорачиваем жизни. А останься я тогда, все свелось бы только к воспитанию младенцев да к ожиданию смерти... Личная жизнь была бы завершена, конечно, а вы не можете себе представить весь ужас этого!.. Это смерть, гниение заживо!.. Было бы страшно, скучно, мертво...» (Аркубашев 1994, 547). Они, наконец, расходятся без ненависти – он желает ей счастья с ее новым партнером, она его понимает, но знает, что так, как он, она думать и жить не умеет: «(...) что, собственно, случилось непоправимого? Как болезнь, так... Есть и лучше вас, есть! И жизнь хороша вообще... Это так только... не могу я так легко смотреть, как вы!» (Аркубашев 1994, 548–9).

Рассказ заканчивается мыслями рассказчика: «Я был рад за жену, за себя, за всякого человека, который может свободно, смело и весело жить.

Я поднял глаза к небу, и предо мною встал огромный мир, необозримый бездонный простор, залитый мириадами сверкающих звезд и потоками радостного, живого, бесконечного света» (Аркубашев 1994, 549).

Последний абзац рассказа действительно связывает рассказчика с космосом, как указывает Бердышева, но действительно ли это уход за пределы своего собственного космоса, как она утверждает? Кажется, что как раз наоборот; ведь моделируемое поведение героя – это уход в свой собственный космос, в свои личные интересы, это поиск сугубо личной свободы и независимости. Рассказ как будто откликается отчасти именно на тенденцию к освобождению индивида от всякого рода «обязанностей» и на вопрос о его социальной ответственности, актуализируя тем самым и тему роли женщины и мужчины по отношению к последующему поколению.

Резкое противоречие основных ценностных установок очевидно: герой-рассказчик ищет полную, от любого обязательства освобожденную жизнь, отождествляя ее с беспристрастным и бесконечным космическим пространством. Любовь для него – сочетание эмоционального и телесного наслаждения на время, «занятие», сопутствующее его жизни вне любви, т.е. его творческой активности, но оба

эти фактора не составляют одно целое, о чем свидетельствуют первая и третья часть рассказа. Конфликтна вторая часть – центр отображения ценностного противоречия, которое усиливается противопоставлением двух абсолютов в ценностной направленности рассказчика и его жены. В начертании ее фигуры, с одной стороны, отсутствует изображение «жизни вне любви», но, с другой, присутствует абсолютное подчинение своего «я» будущему ребенку, т.е. отречение от личностного начала, от «я». Такое контрастное конструирование персонажей, такая композиция сюжетных перипетий свидетельствуют, кажется, о том, что основным намерением автора, его семантическим жестом по Мукаржовскому, является не утверждение, а провокационно поставленный вопрос об основных ценностях личной жизни, о социальных ролях, о том, насколько можно ставить любые требования в качестве абсолютов, вопрос по сути о различии антропологизированного земного миропорядка (ноосферы, антропосферы) и, особенно, его социальной среды и безличного порядка космического пространства. Под сомнение, таким образом, можно поставить отчасти и вывод Л. Р. Бердышевой, утверждавшей, что «Уже в начале творчества писатель отверг идею долга и жертвы во имя счастья других. Арцыбашев считал, что, поскольку жизнь кратковременна, человек должен стремиться к достижению чувственных наслаждений, так как именно в них и заключается реальный вкус человеческого бытия; поэтому героев своих книг испытывает «природой», которая показывает, живут ли они по «догмам» морали или по «вечным законам» природы» (2002). Она права в первой части своей оценки героя Арцыбашева, но предполагать, что рождение ребенка и забота о нем являются чем-то не связанным с вечными законами природы, вряд ли можно, если учесть факт, что и «живая природа» руководствуется законами, которые можно считать «вечными» и в которые одним из первых входит требование способствовать возникновению нового поколения, без которого цикл развития жизни, в том числе и человека, прервется. Арцыбашев как будто продолжает дискуссию, начатую с «*Анны Карениной*» и «*Семейного счастья*» Л. Н. Толстого и имеющую свое место и в творчестве, напр., В. Я. Брюсова.

Надо заметить, что конфликт «природного» и «социального» совсем не нов, но и не заканчивается рубежом 19–20 веков. В отношении к диалогу о заботе о ребенке интересно и то, что возможность, чтобы мужчина покинул свою жену с ребенком или чтобы даже мать покинула своего же ребенка, оправдываемая требованием личной свободы в качестве основного аргумента, который характерен для героя рассказа Арцыбашева, через два десятилетия станет по сути вновь актуальной, но в качестве аргумента появится противоположное требование подчинить свою личную жизнь и свободу пользе общего дела, в данном случае делу построения социализма. Интересно в этом отношении и то, что в последние десятилетия появляется тенденция даже совсем не рожать детей или (опять) из-за достижения полной личной свободы и наслаждения жизнью, или из-за защиты жизненной среды, которую могло бы все растущее количество людей слишком загружать. Значит, *nihil novi sub sole*.

Literatura:

Arcybašev, Michail Petrovič. 1994. „Žena.“ In *Sobranije sočinienij v trech tomach, t. 1.*, 527–49. Moskva: Terra.

Berdyševa, Larisa Romanovna. 2002. „Problema geroja v tvočestve M. P. Arcybaševa.“ K.f.n. Diss. Moskva: Naučnaja biblioteka dissertacij i avtoreferatov disserCat. Dostupné 2. 4. 2020. <http://www.dissercat.com/content/problema-geroya-v-tvorchestve-m-p-artsybasheva>.

prof. PhDr. Josef Dohnal, CSc.	Katedra rusistiky
Ústav slavistiky	Filozofická fakulta
Filozofická fakulta	Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave
Masarykova univerzita	nám. J. Herdu 2
Arna Nováka 1	917 01 Trnava
602 00 Brno	Slovenská republika
Česká republika	josef-dohnal@volny.cz